

УДК [811.512.111+811.161.1]’373

DOI 10.26293/chgpu.2022.114.1.002

Л. В. Борисова, А. М. Иванова, Э. В. Чуева

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ)

*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить национально-культурные особенности семантики инвективной лексики русского и чувашского языков. Исследование инвективной лексики актуально, поскольку в современных реалиях язык часто используется для реализации вербальной агрессии, что, безусловно, требует скрупулезного научного изучения. Работа выполнена на материале, отобранном из лексикографических и фольклорных источников. Анализ языкового материала осуществляется на основе положений когнитивно-дискурсивного подхода, сформулированных Е. С. Кубряковой. В работе использованы такие методы, как дистрибутивный анализ, кластерный анализ, концептуальный анализ, компонентный анализ, сопоставительный метод. Исследование показало, что к эффективным способам выявления этнокультурной специфики языковой картины мира можно отнести анализ инвективной лексики в когнитивном аспекте. Исследование позволило выявить четыре основные группы инвективной лексики через семантические ряды с выражаемыми обобщенными значениями. Сформулирован вывод о том, что в русском и чувашском языках инвективы с компонентами, относящимися к фаунистической лексике, используются наиболее активно, при этом обнаруживаются единицы, полностью идентичные, частично схожие, различные и противоположные с точки зрения семантического и образного наполнения. Постулирована возможность расширения границ исследования национально-культурной специфики языковой картины мира посредством когнитивного изучения инвективной лексики в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: *дискурс, инвективная лексика, когнитивная лингвистика, национально-культурная специфика, репрезентация, русская языковая картина мира, сопоставительная семантика, чувашская языковая картина мира*

L. V. Borisova, A. M. Ivanova, E. V. Chueva

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICS OF INVECTIVE VOCABULARY (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND CHUVASH LANGUAGES)

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article attempts to identify the national and cultural features of the semantics of the invective vocabulary of the Russian and Chuvash languages. The study of invective vocabulary is relevant since in modern realities the language is often used to implement verbal aggression, which requires scrupulous scientific study. The study was carried out on the material selected from lexicographic and folklore sources. The analysis of the language material is based on the provisions of the cognitive-discursive approach put forward by E. Kubryakova. The paper employs such methods as distributive analysis, cluster analysis, conceptual analysis, component analysis, and the comparative method. The study showed that the analysis of invective vocabulary in the cognitive aspect can be attributed to the effective ways of identifying the ethno-cultural specifics of the linguistic picture of the world. The study allowed us to identify four main groups of invective vocabulary through semantic series with expressed generalized meanings. The conclusion is that in the Russian and Chuvash languages, lexical and phraseological means with components-zoonyms are most actively used as expressively and stylistically colored invectives, while there are the units that are completely identical, partially similar, different and opposite from the

point of view of semantic and figurative content. The possibility of expanding the boundaries of the study of the national-cultural specifics of the linguistic picture of the world through the cognitive study of invective vocabulary in a comparative aspect is postulated.

Keywords: *discourse, invective vocabulary, cognitive linguistics, national and cultural specifics, representation, Russian language picture of the world, comparative semantics, Chuvash language picture of the world*

Введение. Настоящая работа посвящена сопоставительному когнитивному исследованию инвективной лексики на материале русского и чувашского языков. К инвективной лексике относятся слова и выражения, которые заключают в своем значении, эмоциональной окраске намек на оскорбление личности адресата либо прямое оскорбление, а также намерение в резкой или скрытой форме оскорбить, унижить, опозорить своей речью оппонента.

Цель данной работы – провести сопоставительное когнитивное и лингвокультурологическое исследование семантики русских и чувашских лексем-инвектив.

Объектом исследования является инвективная лексика русского и чувашского языков, отраженная в художественной литературе, фольклоре, словарях. Предметом исследования является национально-культурная специфика семантики инвективной лексики.

Актуальность исследуемой проблемы. Современная лингвистика уделяет повышенное внимание изучению языка в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах [10, р. 35]. В связи с этим исследование инвективной лексики особенно актуально, поскольку в современных реалиях язык достаточно часто используется для реализации вербальной агрессии, что, безусловно, требует скрупулезного научного изучения.

Исследования, посвященные инвективной лексике, в современном отечественном языкознании немногочисленны. Термин «инвектива» подробно проанализирован в работе М. Л. Степко [7]. К исследованию инвективной лексики обращались А. Г. Бакиев [1], В. И. Жельвис [4], Г. С. Иванченко [6]. Для настоящей работы весьма значимы результаты исследований, проведенных Ю. А. Бельчиковым [2], Т. А. Золотаренко [5], А. Г. Файзуллиной [8].

Научная новизна данной работы обоснована двумя факторами: 1) изучением инвективной лексики в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах; 2) сопоставительным анализом инвективной лексики на материале двух неродственных языков, различных с точки зрения типологической структуры.

Материал и методы исследования. Исследование выполнено на материале лексико-фразеологических единиц, отобранных из толковых и фразеологических словарей русского языка, «Словаря чувашского языка», составленного Н. И. Ашмаринным, «Чувашско-русского словаря», опубликованного под редакцией М. И. Скворцова, сборников русских и чувашских пословиц и поговорок, а также из произведений русской и чувашской художественной литературы. В процессе работы были применены следующие методы исследования: дистрибутивный анализ, кластерный анализ, концептуальный анализ, компонентный анализ, лингвокультурологический анализ, сопоставительный метод.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведенный в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах сопоставительный анализ позволил выделить основные группы инвективной лексики:

1. Инвективы лексико-семантической группы «животный мир». Значительную часть инвективной лексики в обоих языках занимают зоосемантические метафоры, которые употребляются носителями языка с инвективной интенцией. К лингвокультурологическому анализу животных и птиц мы неоднократно обращались в своих предыдущих работах [3].

Инвективы «овца» (чув. *сурăх*) и «баран» (чув. *така*) используются для обозначения глупого человека, ассоциируются с интеллектуальными недостатками человека. Сравните: *тупая овца* (чув. *тăнсăр сурăх*). В чувашском языке данные лексемы имеют и другую семантику, близкую к инвективной, например, слово «овца» употребляется при обозначении робкого, безответного человека (сравните: *сурăх пек чётрет* «дрожит, как овца») и людей, слепо следующих за кем-, чем-либо (сравните: *сурăх кётёвё пек сурресё* «ходят, как стадо баранов»).

В сниженном стиле русской и разговорной речи для обозначения тучной, неповоротливой женщины часто используется лексема «корова» (чув. *ёне*). Например: *Да ты корова толстая, никогда тебе не похудеть!* Сравните также русское выражение *корова на льду* и чувашское *ёне пек утать* (букв. «ходит, как корова»).

И в русском, и в чувашском языках в качестве инвектив широко употребляются лексемы «собака» (чув. *йытă*), «сука» (чув. *йытă ами*), «кобель» (чув. *йытă аси*). Собакой называют злого, наглого, неблагодарного, подлого, бессовестного человека, а также человека распутного, порочного. Сравните: *Вăт йытă, – терё Дарья Степановна ура сине тăрсан, – хайне апат ситересшёнччё, вăл мана чышкă туянтарчё*. «Вот собака, – сказала Дарья Степановна, встав на ноги, – хотела его накормить, а он меня ударил» (Г. Н. Желтухин, «Юрататан пулсан»).

Змея (чув. *сёлен*) в обеих анализируемых лингвокультурах символизирует коварство, жестокость, подлость. Сравните русские и чувашские поговорки: *Льстивый человек – змея под цветами*; *Тайшман – сёлен, аяна ан ёнен*. «Враг – змея, не верь ему» [9].

В русском дискурсе для обозначения глупого и упрямого человека используется лексема «осел», а чуваша глупого человека назовут совой (чув. *тăмана*).

Слово «курица» (чув. *чăхă*) в русской культуре используется для обозначения жалкого, бесхарактерного человека (*мокрая курица*), слабовидящего, невнимательного (*слепая курица*), а также человека глупого (*куриные мозги*). В последнем случае речь чаще всего идет о женщине. В чувашском языке слово «чăхă» не относится к инвективной лексике.

Названия таких насекомых, как вошь, моль, муха, мошка, блоха, тля и т. п., в обоих языках широко употребляются для обозначения мелких, ничтожных людей. Сравните: *Бешенство охватило его. Сыпнотифозная вошь! Гадина* (В. Гроссман, «Жизнь и судьба»). Приставучего, вечно ноющего человека чуваша называют осой (*сăпса пек нăйласа сурен* «ноешь, как оса»), слепнем (*пăван пек явăсрăн ман сума* «пристал ко мне, как слепень»).

Червь (чув. *ăман; сёр хурчё*) в обеих анализируемых языках символизирует ничтожного человека, достойного презрения. Сравните: *Ан сурăр! Тухса кай кунтан! Эсё нимён пёлмен сёр хурчё, сапах манпа калаçма сурен тата!* «Не кричи! Уходи отсюда! Ты червяк, который ничего не знает, еще смеешь разговаривать со мной!» (Г. Г. Кабакова, «Палламан сын»).

Исследование показало, что многие инвективы рассматриваемой группы в обоих языках демонстрируют полностью совпадающую семантическую структуру. Например, лексема «свинья» (чув. *сысна*) в обоих языках обозначает грязного, нечистоплотного, неряшливого человека (сравните: *грязная свинья; сысналла пурнан* «живешь в грязи»), подлого, наглого человека (сравните: *вести себя по-свински; сысналла хăтлан* «вести себя нагло»). В обоих анализируемых языках полного человека с целью оскорбления могут назвать свиньей (чув. *сысна*). Сравните русское выражение *жирная свинья* и чувашское *эсё сысна пек мăнтăр* «ты толстый, как свинья». С лошастью в обоих языках ассоциируются представления о тяжелом труде (*лаша пек ёçле* «работать, как лошадь»), с овцой – глупость (*анра сурăх* «глупый человек»).

Проведенное сопоставительное исследование позволило выявить и определенные расхождения, связанные с национально-культурными особенностями.

Только в русской лингвокультуре лексема «гнида» используется для обозначения ничтожного, мерзкого человека.

Инвектива *тăмана* «сова» в чувашском языке символизирует глупость, имеет отрицательную коннотацию. Сравните: *тăмана йăранĕ* «олух, бестолочь», *уй тăмани* «болван». К тому же данная лексема в чувашском языке используется для обозначения вялого, нерасторопного человека. Так, например, говорят: «*Эй, тăмана, çавна та сисеймеренçке!*» (букв.: Эх, ротозей, даже это не смог заметить!). В русской культуре слово «сова» лишено отрицательной коннотации. Сова в русской культуре – это символ мудрости, веющая птица.

Лексема «ворона» (чув. *ула курак*) в русском языке используется в качестве оскорбительного слова, выражая значение ‘зевака, ротозей’, в чувашском языке соответствующая лексема используется только для обозначения птицы, не применяется по отношению к человеку.

Что касается лексемы «ворон» (чув. *çăхан*), в русском языке нами не были найдены примеры инвективного употребления данного слова, а в чувашском языке данная инвектива обозначает прожорливого, ненасытного человека.

Ненасытность, обжорство обозначает в чувашском языке и лексема *шампа* «налим». В качестве примера можно привести выражение *шампа хырăм* «ненасытная утроба» (букв.: налимий живот).

В чувашской национальной культуре голодранца, босяка называют летучей мышью (чув. *çара çерси*). Сравните: *Çара çерси нек* «как голодранец» (букв.: как летучая мышь) [9, с. 47]. В русском языке данное слово лишено инвективной составляющей.

2. Инвективы лексико-семантической группы «растения».

В русском языке лексема «лопух» выражает переносное значение ‘простоватый, несообразительный человек’. Лопухами в русской культуре называют простых, неопытных, доверчивых людей, которых очень легко обвести вокруг пальца.

В русском языке лексема «дуб» может выражать значение ‘глупый человек’ (сравните: *он дуб дубом*).

Об обидчивом, изнеженном человеке в русской культуре отзываются как о «мимозе», вероятно, из-за того, что данное растение имеет свойство скручивать свои листья при прикосновении к ним. Сравните пример из произведения А. Куприна «Поединок»: «– *Вы смешной: чуть вас тронешь, вы и завяли. Такая вы стыдливая мимоза*».

Многочисленны в русской литературе сравнения людей с грибами, особенно с ядовитыми. Подлую женщину называют поганкой. Сравните: *С этой поганкой ядовитой лучше не связываться*. Лексема «мухомор» в русском языке может употребляться для обозначения старого человека. Сравните: *Живая легенда – сколько историй с ним связано! Сейчас вроде бы обычный пенсионер-мухомор, но если присмотреться – ан нет, не обычный!* (Д. Корецкий, «Менты не ангелы»). При сравнении человека со сморчком мы невольно представляем старого, малосильного, сморщенного человека. Сравните поговорку: *Сморчком глядит, а богатырем кашу уплетает*.

Для обозначения старого человека также используется лексема «хрен». Сравните: *Ах ты, старый хрен, за молодой ухлестываешь?*

Как о «горькой полыни», представители обоих рассматриваемых народов отзываются об опротивевшем, надоевшем человеке. Сравните: *опротиветь хуже горькой полыни; армути нек йăлăхтар* «надоесть, как полынь». Также о таком человеке русские говорят: «*Опротивел хуже горькой редьки*».

В чувашской языковой картине мира наиболее ярким примером инвективной лексики с компонентом-фитонимом является лексема *ана пыйти* «липучка». Она выражает переносное значение ‘ничтожество (о человеке)’.

3. Инвективы лексико-семантической группы «бытовые реалии».

Для обозначения вялого, слабохарактерного человека в русской культуре используется лексема «размазня». Сравните: *Мы...и в том числе, разумеется, я первый – были порядочной размазней и трухой* (Н. Данилевский, «Россия и Европа»). Первоначально слово «размазня» использовалось лишь для обозначения жидкой каши (сравните: *сварить гороховую размазню*).

Лексема «колпак» в русском языке выражает переносное значение «недалекий человек, простак», а лексема «шляпа» – переносное значение «растяпа (о человеке)».

Слово «квашня», обозначающее деревянную кадушку для теста, в русской лингвокультуре может использоваться для презрительного наименования толстого, неповоротливого, нерасторопного человека.

Бесхарактерного, слабовольного человека русские презрительно называют *тряпкой*, а человека вялого, медлительного, безвольного – *тюфяком*.

Лексема «шваль», выражающая значение «негодная вещь, вещи», в русской культуре может использоваться и в переносном значении – «негодный, ничтожный человек».

Глупого, несообразительного человека русские презрительно называют *болваном*, *чурбаном*, *чуркой* (основное значение этих лексем – «обрубок бревна»), *дубиной*, а чуваша – *пнем* (чув. *тунката*) и *глиняным сосудом* (чув. *тӓм кушле*).

4. Инвективы лексико-семантической группы «демононимы».

Архаический пласт инвективной лексики обоих языков составляют демононимы – наименования злых духов, связанные с дохристианскими религиозными верованиями.

Как бранное слово функционирует в русском языке лексема «черт». Сравните: *А ты, старый черт, о чем думал?*

Бранным наименованием человека является в русской культуре и лексема «кикимора», которая в русских дохристианских верованиях обозначала злого духа дома – маленькую женщину-невидимку, беспокоящую по ночам маленьких детей. В русском просторечии кикиморой называют уродливую, некрасиво одетую женщину.

О ком-либо, вызывающем негодование и злость, русские отзываются как о «лешем». Сравните: *А он здоров и силен, леший*.

Верховным предводителем всех злых духов в чувашских дохристианских верованиях считался *шуйттан* «злой дух, черт, сатана». В современном чувашском языке эта лексема широко представлена в составе различных ругательств: *шуйттан сур!* «чертенок!» и других.

В качестве инвективы в чувашской лингвокультуре функционирует лексема *йёррӓ*, являющаяся названием домашнего духа, который может как оказывать помощь, покровительство, так и вредить. В современном чувашском языке данная лексема является бранным словом, выражающим значение «подлец, негодяй».

Лексема *арсури* «леший» в чувашском языке выражает переносное значение «бесенок, шалун, баловник». Это слово функционирует в речи как бранное.

Лексема *вупкӓн* «злой дух, приводящий к разорению, нищете» также широко используется чувашами в качестве ругательства. Сравните: *Вупкӓн!* «(о человеке) проклятый; ненасытный; обжора».

Злыми духами змеиной природы в чувашских дохристианских верованиях были *вӗре сӗлен* «змей-призрак», *астаха* «дракон», *юхха* «прекрасная девушка, в которую превращается дракон *астаха*, прожив тысячу лет». Наименования этих вредоносных для человека злых духов в чувашском языке являются инвективами, приблизительно соответствующими русским словам «гадина», «негодяй», «мерзавец».

Согласно чувашским дохристианским верованиям, с водной стихией был связан злой дух *алпастӓ*, который насыпает болезни, ночные кошмары, вредит роженицам и новорожденным. В современном чувашском языке наименование этого злого духа является бранным словом, выражающим переносные значения «неряха», «пустомеля», «озорник, шалун».

Следует отметить, что представленная нами классификация инвектив не является исчерпывающей. Расширение фактического материала, привлечение к исследованию новых лексико-семантических групп, отобранных из более широкого круга источников, безусловно, дополняют и обогатят данную классификацию.

К перспективам дальнейшего исследования инвективной лексики можно отнести также анализ диалектной лексики с точки зрения функционирования в ней инвектив и обращение к политическому дискурсу.

Выводы. Анализ инвективной лексики в лингвокультурологическом, когнитивном аспектах можно отнести к эффективным способам выявления этнокультурной специфики языковой картины мира.

Инвективная лексика – это слова, которые заключают в своей семантике интенцию оскорбить адресата. Инвективы частично вбирают в себя стилистически сниженную литературно-разговорную речь, просторечие, а также лексику грубую, бранную. Нейтральные слова также могут иметь инвективный подтекст. Инвективная лексика реализует экспрессивную функцию языка.

Результаты межъязыкового сопоставления свидетельствуют о том, что в русском и чувашском языках лингвистические единицы с компонентами, относящимися к фаунистической лексике, наиболее активно используются как экспрессивно и стилистически окрашенные инвективы. Исследование позволило выявить как полностью или частично идентичные инвективы, так и инвективы, различные и противоположные с точки зрения семантического и образного наполнения.

Этническая специфика инвективного состава того или иного языка отражает историческую индивидуальность и культурную самобытность каждого языкового коллектива. Однако это национально-культурное своеобразие не исключает определенных совпадений, обусловленных как экстралингвистическими факторами (устойчивостью реалий жизни и быта, схожим жизненным опытом), так и факторами собственно языковыми (калькированием, общими семантическими процессами, некоторыми психолингвистическими факторами и т. п.).

Все вышесказанное позволяет констатировать, что когнитивное, лингвокультурологическое изучение инвективной лексики в сопоставительном аспекте на материале русского и чувашского языков расширяет границы исследования национально-культурной специфики языковых картин мира обоих этносов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакиев А. Г. Природа вербальной агрессии // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18, № 1. – С. 162–165.
2. Бельчиков Ю. А. Инвективная лексика в контексте некоторых тенденций в современной русской речевой коммуникации // Филологические науки. – 2002. – № 4. – С. 66–74.
3. Борисова Л. В. Мир сквозь призму языка (русско-чувашские параллели) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2012. – № 3(75). – С. 21–24.
4. Жельвис В. И. Инвектива в парадигме средств фатического общения // Жанры речи. – Саратов : Литература, 1997. – С. 77–79.
5. Золотаренко Т. А. Уровни инвективной сущности // Вестник Волгоградского университета. Серия 2. Языкознание. – 2013. – № 1(17). – С. 142–145.
6. Иванченко Г. С. Инвектива / оскорбление: аспекты квалификации в экспертной практике // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 129–134.
7. Степко М. Л. Определение объема и границ понятия «инвектива» в отечественной лингвистике // Язык и межкультурная коммуникация : сб. ст. I Междунар. конф. – Астрахань : Астрахан. гос. ун-т, 2007. – С. 46–47.
8. Файзуллина А. Г. Номинация как методологическая основа исследования инвективной лексики // Вестник Чувашского университета. – 2008. – № 4. – С. 253–255.
9. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем / О. Н. Терентьева пухса хатĕрленĕ. – Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 2007. – 493 с.

10. Keller R. A Theory of Linguistic Signs. – Oxford, 2018. – 264 p.

Статья поступила в редакцию 01.09.2021

REFERENCES

1. Bakiev A. G. Priroda verbal'noj agressii // Vestnik Bashkirskogo universiteta. – 2013. – Т. 18, № 1. – S. 162–165.
2. Bel'chikov Yu. A. Invektivnaya leksika v kontekste nekotoryh tendencij v sovremennoj russkoj rechevoj kommunikacii // Filologicheskie nauki. – 2002. – № 4. – S. 66–74.
3. Borisova L. V. Mir skvoz' prizmu yazyka (russko-chuvashskie paralleli) // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2012. – № 3(75). – S. 21–24.
4. Zhel'vis V. I. Invektiva v paradigme sredstv faticheskogo obshcheniya // Zhanry rechi. – Saratov : Literatura, 1997. – S. 77–79.
5. Zolotareno T. A. Urovni invektivnoj sushchnosti // Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seriya 2. Yazyk-koznanie. – 2013. – № 1(17). – S. 142–145.
6. Ivanchenko G. S. Invektiva / oskorblenie: aspekty kvalifikacii v ekspertnoj praktike // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 3. – S. 129–134.
7. Stepko M. L. Opredelenie ob'ema i granic ponyatiya «invektiva» v otechestvennoj lingvistike // Yazyk i mezhdunar. kommunikaciya : sb. st. I Mezhdunar. konf. – Astrahan' : Astrahan. gos. un-t, 2007. – S. 46–47.
8. Fajzullina A. G. Nominaciya kak metodologicheskaya osnova issledovaniya invektivnoj leksiki // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – 2008. – № 4. – S. 253–255.
9. Chävash haläh pultarulähë. Vattisen sämahësem / O. N. Terent'eva puhsa hatërlenë. – Shupashkar : Chävash këñ. izd-vi, 2007. – 493 s.
10. Keller R. A Theory of Linguistic Signs. – Oxford, 2018. – 264 p.

The article was contributed on September 1, 2021

Сведения об авторах

Борисова Людмила Валентиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/000-0002-5909-0296>, ljudmila-borisova@yandex.ru

Иванова Алена Михайловна – доктор филологических наук, доцент, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, заведующая кафедрой чувашской филологии и культуры, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-1562-2147>, amivano@rambler.ru

Чуева Эльвира Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-0635-2619>, 570065@mail.ru

Author Information

Borisova, Lyudmila Valentinovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-5909-0296>, ljudmila-borisova@yandex.ru

Ivanova, Alena Mikhailovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Russian and Chuvash Philology and Journalism, I. Ulyanov Chuvash State University, Head of the Department of Chuvash Philology and Culture, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-1562-2147>, amivano@rambler.ru

Chueva, Elvira Vitalyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-0635-2619>, 570065@mail.ru